

Памяти Тани Поляковой

Роман основан на реальных событиях

ПРОЛОГ

— Сильва, вставай! — пробивалось издалека сквозь туман.

Накрылась подушкой, натянула поверх нее одеяло.

— Сильва, подъем! — Голос мачехи совсем над ухом. Руки холодные, пальцы цепкие. Разоряет ее гнездо, выковыривает наружу.

— Ну, пожалуйста! Пять минут еще!

Одеяло и подушку сорвала, швырнула на пол. Отдернула шторы, люстру врубилла во все шестнадцать лампочек.

Веки склеены. Пробуешь разлепить — словно горячий песок сыплют. Во сколько она уснула? Играть закончила в три утра. Потом еще вертелась. Переживала из-за проигрыша, продумывала стратегию на завтра.

— Сильва, уже половина восьмого!

Попыталась приподнять голову, не смогла, простонала:

— Пофиг.

— Да сколько это будет продолжаться! — Голос мачехи бьет прямо в мозг, сыплет булыжники на затылок. Ухватила ее за щиколотки, стягивает с кровати — руки сильные, в тренажерке нака-

чала. Сильва попыталась удержаться за изголовье, но пальцы соскользнули. Грохнулась на пол, ушибла пятую точку. Заорала:

— Да отвали ты от меня!

— Что ты сказала, дрянь?

— Что слышала! Не смей меня трогать, сука!

Еще полгода назад терпела, но в последнее время подумала: чего молчать, если ее оскорбляют?

Мачеха взъярилась окончательно. Вцепилась в предплечье когтями (больно, останутся царапины), вlepила с размаху пощечину. Глаза у Сильвы сразу разлепились, накатила ярость. Девушка примерилась и от души лягнула некровную родственницу в коленку. Получилось удачно — та отлетела.

— Сейчас еще врежу, — пообещала.

Но мачеха честной драки испугалась. Вопит:

— Игнацио! Помоги! Твоя дочь меня избивает!

— О, Матерь Божья, — простонала Сильва.

Очередное утро в любящей, блин, семье.

Отец явился немедленно — уже при галстукe, волосы блестят от геля, ремень тщетно пытается удержать огромное брюхо.

Мачеха бросилась к нему — хромает показательно, руки заламывает, словно заштатная драматическая актриса:

— Она ударила меня! Она посмела меня ударить!!!

— Сильвия. — Отец сузил глаза. — Ты потеряла разум?

Все детство от его ледяного тона сердце в пятки уходило. А недавно вдруг осенило: «Да чего его бояться? Придурок! Бочонок на ножках! И предатель».

Она бесстрашно приблизилась, ткнула под нос предплечье — царапины, нанесенные противницей, эффектно сочились кровью. Набычилась, буркнула:

— Скажи этой своей... пусть не трогает меня. Тогда и я ее трогать не буду.

Отец молчал, жевал губы. Похоже, примерялся — как ударить побольнее, но чтобы без следов. Сильвия бросилась к письменному столу, схватила ножницы, оцетинилась:

— Только тронь. Глаз выколю.

— Кого мы вырастили! — взвыла мачеха. — Давай полицию вызывать!

Девушка отбросила ножницы. Да, что-то совсем понесло ее с недосыпа. Надо назад отыграть, извиниться. Признать, что виновата, допоздна засиделась за компом. Объяснить: сложно вставать в семь, когда поспала только три часа. Попросить: она прогуляет два первых урока. А завтра — как штык подскочит. Сама. По будильнику.

Но едва успела начать: «Ну, ладно, короче», — отец оборвал:

— Одевайся. Собирай манатки. И вон отсюда.

Сильва опешила:

— Куда?

— Куда хочешь. К наркоманам. К бездомным. Под мостами с ними ночуй. Или вообще утопись. Будет лучше. Для всех.

— Э, Игнацио... ты уверен, что правильно поступаешь? — мачеха взглянула с сомнением.

— Я устал, — отрубил он. — Каждое утро одно и то же. Скандалы, вопли. Пусть проваливает. Я хочу пожить в тишине.

— Сильва, — мачеха смягчила голос, — ну, давай поговорим, как взрослые люди. Неужели ты не понимаешь? Миллионы людей во всем мире не высыпаются. Но они все равно встают, идут в школу, на работу.

— Ладно, — буркнула дочь. — Схожу я в вашу долбаную школу. Ща быстренько соберусь.

Но отца окончательно сорвало с катушек.

Жирным брюхом навалился на ее стол, выдергивает из компа провода. Злорадно оповещает:

— До Пасхи поживешь без гаджетов! Без игрищ своих безумных!

— Это ведь целых две недели! — взмолилась она.

А он — лэптоп под мышкой — еще и ее мобильник схватил.

— Совсем сбрендил? — заорала она. — Как я совсем без связи?

— Кнопочный дам, — злорадно усмехнулся отец.

— Да пошли вы оба! — взорвалась Сильва.

Почему всем одноклассникам повезло? У тех семейные ужины, вместе домашнюю пасту делают, в настолки играют, ездят на пикники. А у них — сплошные претензии да ругань. А если вдруг без скандала сидят все трое за столом, за готовой пищей — всегда молча, каждый в свой телефон уткнулся.

Она схватила школьный рюкзак. Демонстративно, на пол, вывалила из него учебники. Распахнула шкаф. Начала, почти без разбору, набивать теплыми вещами.

— Игнацио, — нервно заломила руки мачеха, — она действительно сейчас уйдет. У нас будут неприятности.

Но отец лишь презрительно усмехнулся:

— Куда она денется? Есть захочет — вернется.

И Сильве больше ничего не оставалось — только рюкзак на плечи и на прощанье, от души, шарахнуть дверью.

ДАВНО

Богдана родилась в Кувшинино, между Тверью и Торжком, в деревянном домишке. Официально считалось поселение городом, но все жители называли деревней. Каменные дома только в центре, где памятник Ленину, а чуть отойди — грязь непролазная, фонари разбиты, за колбасой — в Москву.

Жили втроем: бабушка, мать да внучка.

Мужчин в семье не имелось.

Дед погиб на Второй мировой. У мамы в паспорте штампы о браке стояли. Но родной Богданин отец замерз по пьянке, а отчим пять лет получил за кражу и сгинул на зоне.

Мама с бабушкой всегда притворялись, что им и самим нормально. Но Богдана-то видела: ничего хорошего. Денег вечно нет. Краны текут. Дрова заготовить — проблема. Восьмого марта только жалкий цветочек с работы. Поэтому сама хотела настоящую семью. Как на плакате «Госстраха», что в сарае висел: новенькие «Жигули», рядом с авто мужчина в импортном блейзере, при нем женщина в платье вельветовом, нарядно одетые ребятишки, а на заднем плане дача двухэтажная.

Мать над ее мечтой хохотала:

— Мужа она богатого хочет! Где его взять, да еще в Кувшинино? Блатные на своих женятся. Лейтенанта до генерала растить? Всю жизнь провозишься, а он в отставку майором уйдет. Начальниками только дети начальников становятся.

Богдана расстраивалась, бабушка утешала:

— Ты у меня принцессочка!

И читала на ночь красивые сказки — про Золушку, про Ассоль.

Мама язвила:

— Старую деву вырастишь!

Бабушка тихо сердилась:

— Она еще ребенок! Пусть мечтает!

Хотя девочка рано понимать начала: на самом деле принцев нет. В Кувшинино точно. Парни, едва в подростковый возраст входили, сразу пить начинали, курить, мат через слово. Если свой мотоцикл имеется — уже герой, девчонки хвостом ходят.

Но однажды — было тогда Богдане тринадцать — остановила ее цыганка. Предложила:

— Давай погадаю.

Школьница вздохнула:

— У меня денег нет.

— Не надо денег. Так скажу. — Взяла ее руку, поизучала и взглянула с уважением. — Ох, какая у тебя необычная жизнь будет! Миллионер, красавец, иностранец замуж будет умолять выйти. А ты откажешь.

Пьяная цыганка, что ли?

На дворе стоял 1987-й. Январский пленум ЦК КПСС уже состоялся, обновление всех сторон

жизни страны объявили. Люди болтали о грядущих переменах, бабушка запоем читала только что разрешенных «Детей Арбата» и «Белые одежды», мама смотрела «Шестьсот секунд»¹, но в целом как было в Кувшинино болото, так и осталось.

А гадалка усмехается:

— Рожу не криви. Знаю, что говорю. И границы откроются, и миллионеры появятся. Они всегда на обломках.

— Каких еще обломках?

Предсказательница воздела грязный перст с ярким облупившимся лаком:

— Скоро беда начнется. Не будет такой страны Советский Союз. И партии коммунистической не будет.

— А куда ж оно денется?

— Все кувырком полетит. Заводы встанут. Деньги в бумажки превратятся. Много людей погибнет, ты близкого человека потеряешь. И только через бубнового короля спасешься.

У Богданы еще тысяча вопросов: кто умрет, мать или бабушка? С матерью у нее отношения так себе, а бабулю жалко. И как король бубновый выглядеть будет?

Но цыганка больше ничего не сказала — что за интерес забесплатно стараться?

Богдана с девчонками постоянно гадала — на картах, на кофейной гуще, — поэтому к пророче-

¹ Передача на Ленинградском телевидении. Выходила с 1987 по 1993 год и считалась одним из символов перестройки.

ству отнеслась со всей серьезностью. Немедленно бабушке бросилась докладывать.

Та поджала губы:

— Чего слушаешь всяких дур? С чего бы Советскому Союзу рушиться? Семьдесят лет стоит и еще тысячу продержится.

— Так перестройка! Ветер перемен!

Но старуха отмахнулась:

— Поболтают — и по-старому станет. Много раз так было. То НЭП, то кукурузу вместо хлеба растили. А потом все назад возвращалось.

Когда живешь в Кувшиново, действительно трудно в перемены поверить. Это в Москве с Питером и митинги, и доллары купить можно, и «Мерседес» на улице увидеть.

А у них только кооперативное кафе открылось на главной площади. Богдана с подружками заглянули: скатерти белые, известная на весь город хамка-официантка вместо грязного халата в белой наколочке. С кислым видом говорит входящим «Здравствуйте». А шашлык десять рублей порция! Хотя на рынке килограмм хорошей свинины по два пятьдесят.

Ну, и в школе событие. Трое десятиклассников объявили: выходят из ВЛКСМ. Билеты комсомольские на стол, взносы платить отказались. Раньше бы выгнали отовсюду с треском, а сейчас ничего, сошло.

Но в их семье ничего не менялось. И бабушка Богдану настраивала: «Хочешь принца — учись. Езжай в Москву, поступай в институт. И там себе выбирай — студента перспективного, лучше со столичной пропиской».

Богдана корпеть над учебниками ленилась и хотела в музучилище — с детства обожала петь. Голос приличный, а с корочками вообще куда угодно возьмут — хоть в хор, хоть в ресторан.

Но бабушка считала: вздор. «Звезд» только богатые любовники зажигают, а по кабакам петь для блатных — верный путь в пропасть. Убеждала Богдану готовиться в институт, где мальчиков много: автодорожный или строительный.

Впрочем, консенсуса (модное нынче слово) достичь не успели.

В 1991-м, когда Богдана училась в девятом, предсказания цыганки начали сбываться — да насколько стремительно! Инфляция, путч, пустые полки в магазинах, безденежье. Мамина швейная фабрика встала. Бабушкину пенсию задерживали, и купить на нее можно было все меньше. Историю КПСС пригвоздили, историю СССР переписывали. Школьные учителя выглядели растерянными. Вместо того чтоб — как в советские времена — вклеить «пару», неприкрыто тушевались от наглых вопросов: «Зачем нам — сейчас — ваша алгебра?»

Богдана искренне не понимала: в чем смысл с трудом поступать в институт, пять лет голодать на стипендию, а потом — как все учителя, врачи, инженеры — сидеть без зарплаты?

Вон, мать с дипломом, правда, техникума, — и что?

Пока социализм, была при деле. Местком, профком, курсы кройки-шитья, на выходные в дом отдыха от работы. А сейчас совсем поте-

рялась. И выход нашла простой — каждый вечер успокаивала себе нервы над рюмочкой.

Богдана алкашей терпеть не могла и очень мамашу презирала. Бабушка тоже злилась, отнимала у дочери едкого цвета ликеры и разведенный сиропом из варенья сомнительный спирт. Заставляла смотреть Кашпировского. Заказывала наложенным платежом заговоры от пьянства. Водила кодироваться.

Но мать бралась за ум от силы на пару дней. Потом снова начинала скулить, что ей тошно, добывала где-то выпивку и глупо хохотала в ответ на бабушкины укоры.

Однажды в очередной раз крепко выпила, заснула — а утром нашли ее мертвой. От вскрытия бабушка отказалась, в свидетельстве о смерти написали, что сердечная недостаточность, но соседи болтали: спиртом «Рояль» отравилась. Он в Кувшинино многих погубил.

Внучка с бабушкой стали выживать вдвоем. Сначала с огорода пытались кормиться, но много ли выжмешь с трех соток? В итоге старуха решила открыть бизнес.

Каждый день поднималась в несусветную рань, бежала занимать очередь в булочной. Покупала по тридцать батонов хлеба, приносила домой в пластиковой клетчатой сумке. Днем вместе с Богданой фасовали — нарезали целлофан, оборачивали каждую буханку, склеивали утюгом. А вечерами, когда магазины закрывались, пожилая женщина отправлялась на торговлю. Возле автобусной остановки, на перевернутых ящиках, собирались ста-

рухи и продавали всякую всячину, от гвоздей до галош. Бабуля пробовала расширять ассортимент. Варила варенье, пекла пирожки, но быстро усвоила: хлеб — товар самый ходкий. Еще вобла неплохо шла, а лучше всего алкоголь. Но со спиртным она не связывалась. Боялась — после смерти дочери — покупателей погубить. Да и рэкет — тоже новая реальность — только к тем цеплялся, кто с водкой. Старушек с хлебушком благородно не трогали.

Богдана рвалась помогать в торговле, но бабушка не пускала:

— Дома сиди! Вечерами на улицах плохих людей много.

Не перестроилась еще. Надеялась, что внушка горбатиться над учебниками будет.

Но Богдана уроки не учила принципиально, с трудом перебивалась с двоек на троечки. С директором, чтоб не выгнал за неуспеваемость, они договорились на бартер. Нынче в самодеятельность художественную по доброй воле никого не заманишь, а Богдана обязалась участвовать во всех концертах. Жалко, что ли, — если петь ей все равно нравится? Дома тоже постоянно себе под нос мурлыкала. И грезила о принце. Ну, или хотя бы о богатом спонсоре.

Предсказание цыганки про миллионеров ведь тоже сбылось. Даже в тихом Кувшинино нынче богачи появляются. Ревут двигателями иностранных автомобилей, блестят золотом, шуршат пачками купюр.

Бабушка новых хозяев жизни на дух не переносила, но у Богданы малиновые пиджаки, ко-